

# ЛИЦО ТЕАТРА

ТРАДИЦИЯ предписывает новому руководителю театра произнести «открытую речь» с изложением своей творческой программы. Четыре года назад, придя в театр имени Ленсовета, мне пришлось ограничиться объявлением, что на следующий день начнутся репетиции новой пьесы. На другое я не имел права.

...Прошло время. Позади полтора десятка спектаклей. Удачных. Менее удачных. И просто проваленных. Между режиссурой и актерским коллективом начало возникать взаимопонимание. Мог бы я сейчас изложить творческую платформу театра им. Ленсовета? Пожалуй, все-таки нет...

Творческий профиль театра нельзя придумать. Лицо нельзя паязывать прищипом. Можно желать быть красивым, рослым, умным, но нельзя сделать себе голубые глаза, запеть тенором, если у тебя бас, стать тяжелоплатом, если ты находишься в весовой категории «лука и пера». Облик театра складывается годами. Он меняется от времени. На его лице отражаются все события жизни — горестные и радостные. Это лицо трудно определить словами, а тем более назвать именем.

Ленинградские театры носят разные имена — имена Пушкина, имени Горького, имени Ленинского комсомола. Есть Театр комедии, есть Театр драмы и комедии. Большой и Малый драматические. Не в названиях дело. Нет монополии на пьесы Горького в театре им. Горького, как нет их на комедии или пьесы о молодежи. Размешивание идет по творческим принципам, а не по темам и жанрам. Было время, когда споры из-за того, кому достанется новая пьеса советского драматурга, решались административным путем. Постепенно репертуарные заявки театров стали все более различаться. И драматург А. Штейн знает, какую пьесу надо отдать Товстоногову, какую Вильфунгу. Советские и иностранные авторы, русские и зарубежные классики находят своих режиссеров, своих актеров, своих театры. Это, по-моему, первый признак творческого «самоопределения».

Лицо театра имени Ленсовета только складывается. Вместе с ним складываются и мои вкусы, взгляды, пристрастия. Каждая новая работа заставляет пересматривать позицию, совсем недавно казавшиеся неизблемыми. Каждый спектакль чему-то учит, в чем-то утверждает. Новые сомнения, новые вопросы, новые впечатления не дают покоя. Опыта прибавляется, а жить и работать становится труднее.

В театр пришли хорошие актеры, большая группа молодежи. Кое-кто наш театр покинул. Ремаз этот, казалось бы, организационный вопрос, мы на самом деле учились понимать друг друга и подбирать к серьезнейшей проблеме — проблеме единомыслия, проблеме художественного перерождения, стилистики, проблем ансамбля.

Мы расстались не только со слабыми, но и с хорошими артистами. Ошибались ли мы?

**ХОРОШИХ** артистов больше, чем это кажется. Если бы случилось чудо и артисты всех городов, всех театров вдруг оказались бы там, где они нужны, где их ждут, любят и где им вернут... Но чудес не бывает. И сменить драматическое дарование актрисы, появившей в театре комедия. Тускнеет драматический талант артиста в пьесах бытового плана. Не раскрывается мастерство артиста-психолога, появившего в руки режиссера — мастера яркой эрмитажности...

Почему-то считается ненормальным, когда режиссер приходит в театр с группой своих артистов. Считается зазорным, когда режиссер, покидая театр, забирает с собой артистов, близких по духу. Бьют тревогу, когда театр покидают артисты, не принимающие волею руководителя. А разве не естественной? Разве не естественной? Разве не лучше, когда под одной крышей работают люди, объединенные только профессией?

Коллективная природа творчества в театре требует создания наиболее благоприятных условий для свободного объединения творческих единомышленников.

Артист — не жидкость, принимающая форму сосуда, а не глина, из которой кто-то что-то лепит. Да и режиссер не гончар. Оба — они — равноправные художники, выполняющие разные функции. В творческом процессе они сливаются. Воплощение, ум, воля, темперамент,

сердце, кровь одного питают другого. Но беда, если «группа крови» не совпадает... Уход по собственному желанию или по конкурсу — не самый худший исход. Бывает хуже. Творческая смерть от творческого голода.

Театр имени Ленсовета выдвинул на конкурс двух молодых артистов, придя к выводу, что они не соответствуют складывающимся художественным принципам коллектива. После антерской пробы в другом театре другой главный режиссер в газете «Известия» заявил, что эти артисты могут быть украшением его театра. В добрый час! Даже если они действительно будут приняты и действительно украсят труппу, а это серьезный московский театр, мы все равно не возьмем своего мнения обратно...

...Мой путь в режиссуру лежал через актерство. Трудности молодого человека, но молодого режиссера и начинающего главрежа — особые, нетипичные трудности. Но то, что пережил я — начинающий режиссер и что переживаю многие молодые режиссеры, свидетельствует еще об одном творческом заблуждении.

Артисту, чтобы раскрыться, нужна не только хорошая роль, но и доверчивый ему режиссер. Ему нужно время. Путь к образу крут и тернист. Да и одна-две роли еще не делают артиста. Режиссер, зоркий в исполнителя, терпит до поры до времени его срывы, пропалет ошибки, не жалует энергии и времени для работы с ним.

Артисты, и молодые и незрелые, справедливо требуют к себе любви, внимания, заботы, долготерпения. Но только к себе. А кто проявляет любовь, внимание, заботу, долготерпение к режиссеру, особенно начинающему? Молодой режиссер должен обнаружить как минимум талант, темперамент, блестящую фантазию — и все это сразу, немедленно. Понять, что он не знает коллектива, волюется, робует, артисты отказываются. Как правило, большая часть труппы сразу берет молодого режиссера «на подозрение». Но даже доброжелательно относящиеся рассуждают примерно так: «Я готов уделить и охотно займусь. Увлечай, займай — я не сопротивляюсь».

**ПОПРОБУИ** разогрет застывший в ледяном молчании коллектив! Да что коллектив! Попробуйте зажечь спичку, когда руки сводит от холода... И молодой режиссер начинает зажигать. Он ставит не пьесу, а самого себя. Он показывает коллективу, что чувствует юмор, что имеет темперамент, обладает волей, начиная знаниями. Он торопится с первых же репетиций продемонстрировать энергию и такт, зрелищность и оригинальность. В первом постановочном мизансцене будет убийца мизансцен, कुछ ювелирно сделанных подробностей, которые никто не оценит, так как они не имеют отношения к пьесе. Именно на репетициях молодого режиссера артисты будут доказывать, что они не учат текст, чтобы не забыть его, «чтобы он не лег на мускулы языка». Именно здесь они будут жаловаться на усталость, творческую неудовлетворенность. Именно на этих репетициях им труднее всего будет оправдывать мизансцены... Стоит же прийти на репетицию главрежу, как все им сказанное будет принято сразу же и не без восторга, хотя то же самое на репетициях молодого режиссера совсем недавно подвергалось сомнению.

Что молодого режиссера надо поддерживать, в этом никто не сомневается. И все же мы, главные режиссеры, часто держим молодых в состоянии крайнего напряжения, лишаящего их естественности, свободы. Мало того — дискредитируем своих и чужих глазу.

Доверие и терпение нужно режиссеру так же, как и артисту. Режиссеры выращивают артистов, артисты — режиссеров. Любость должна быть взаимной...

...Поняв театр им. Ленсовета ставил «Хочу верить» и «Левониху на орбите», азаматские претензии антерской труппы и режиссуры были в пределах нормы: что-то не получалось у актеров, что-то недоумывал режиссер. Но решили мы поставить «Ленинский монастырь» Вл. Духовиченко и М. Слободского и обнаружили, что артисты недостаточно музыкальны. Взялся за «Танго» А. Арбузова — обнаружил,

ли, что влохотво обстоит со «вторым планом». А приступили к «Роме и Джульетте» В. Шекспира и пришли к выводу, что плохо владеет словом, не умеем читать стихи и т. д. и т. п.

Как это ял грустно, но следует признать, что артисты нашего театра не владеют своей профессией так, как этого требует современный театр. То, что в ряде театров дело обстоит не лучше, — утешение слабое.

В снижении требовательности к актерам познаний режиссер.

Непрофессиональность режиссуры — явление более сложное. С одной стороны, и этим причина непрофессиональности актеров, с другой — ее следствие. Непрофессиональность режиссуры могут обнаружить лишь профессионалы, но вооруженные артисты. Мы спрашиваем с артистов мало. А они с нас и то меньше. Системой взаимных амнистий — оборотная сторона доверчивости.

**ЖИЗНЬ** театра имени Ленсовета, как и каждого советского театра, сложна. За суетой ежедневных репетиций, в заботах о выполнении производственно-финансового плана и решении тысяч мелких дел мы стремимся не потерять главную свою цель — быть лучшим народом. Это не так просто. Сотни раз творческая совесть протестует против срочной замены исполнителя, против необходимости выпускать сырой спектакль или играть на неприспособленной выездной площадке. Театр — цель компромиссов, — сказал как-то В. И. Немирович-Данченко. Но мы будем очень неблагодарными его учениками, поняв эту мысль как призыв к смиренности. Есть компромиссы, на которые идти нельзя. Никакие обстоятельства не могут оправдать творческую лень, равнодушие, беспринципность.

Критика и театральная общественность жестока. Их суждения беспристрастны. Что до руковоителей, и коллектив только знакомится. Даже наивный садоник не ждет от саженца обильного урожая плодов первые два-три года. Несмотря на это, он поливает, опрыскивает и даже отражает от вредителей. Один провал, и над главрежем заносится дачников меч. Ему дают время. Не гуманнее ли, не полезнее ли для дела оказать руководителю театра доверие без указания времени? Понятно, если это доверие существует...

Эти рассуждения не носят личного характера. Они вызваны беспокоеством за общее дело. А забота об общем уровне театрального искусства носит вполне корыстный характер.

В Ленинграде много театров. Значительный успех какого-либо театра вызывает желание совершить нечто подобное. Может быть, и легко жить, зная, что кто-то поставил спектакль еще хуже, чем ты, но куда интереснее жить, когда отстающих нет, когда тебе наступают на пятки... Успех спектакля Большого драматического театра им. А. М. Горького — событие важное для всех театров. Чем больше успехов у актеров, тем становится выше критерий оценки, тем меньше у каждого на нас остается, возможности полюбозавать собой, поостыть, повременить. Сейчас театр им. Ленсовета еще не нашел свое особое место в семье ленинградских театров. Мы только учимся петь своим голосом. Публицистика нам так же дорога, как психологическая глубина. Нас привлекает сатира Б. Брехта и озорство водевилей. Хотелось продолжить знакомство с великим Шекспиром. Сейчас, когда драматургия охотнее отдаст нам свои пьесы, чем, скажем, три года назад, мы надеемся найти своих авторов и надолго подружиться с ними.

...По вечерам, когда зажигаются неоновые огни на фасадах театров и сотни троллейбусов, автобусов, трамваев и такси движутся по Невскому и Фонтанке, по Литейному и по улице Ракова к ленинградским театрам, мы знаем, что какой-то частый шаг движется по Владимирскому проспекту, к театру имени Ленсовета, и движется не по толпе. Есть зрители, которые уже знают нас, наши спектакли, наших артистов.

...Свои зрители... Голубая мечта каждого театра...

**И. ВЛАДИМИРОВ,**  
главный режиссер театра им. Ленсовета.